

Е.А. Марченко

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО ВЬЕТНАМА

Политическая культура — один из важнейших факторов социально-политической жизни любой страны, это накопленный опыт поколений народа в его общении с властью, который складывается веками и не может быть значительно модифицирован за несколько лет. Основы политической культуры составляют традиции: восприятия власти, коммуникации с властью, воспроизводства власти, а также самоидентификации народа, легитимации власти и мобилизации населения.

Сегодня магистральным путем движения вьетнамского государства и общества объявлена модернизация и интеграция в мировое сообщество, в последние годы все чаще и настойчивее дополняемые условием: «при обязательном сохранении культурной самобытности и прекрасных традиций вьетнамского народа»^{1,2}.

В статье сделана попытка определить набор исконно присущих вьетнамской политической культуре традиций, характерных черт вьетнамской политической культуры, как общерегиональных, так и самобытных, которые до сих пор играют роль в политическом процессе и в повседневной жизни граждан страны.

Вьетнамцы представляют собой относительно гомогенный этнос. Подавляющее большинство традиций носят общенациональный характер и развивались со времен компактного проживания вьетнамцев в дельте Красной реки: региональные различия в язы-

ке, менталитете, кухне и преобладающих конфессиях присутствуют, но говорить о существовании южновьетнамского субэтнуса с отдельными исконными традициями было бы некорректно.

Географически и исторически Вьетнам принадлежит к Юго-Восточной Азии, при этом культурно тяготеет к китайскому ареалу, а не к ареалу распространения индийского культурного влияния и буддизма тхеравады.

Анализ элементов политической культуры Вьетнама требует знания в общих чертах политических культур соседних стран и народов, их основных общих черт для выделения как специфических проявлений общих черт, так и исключительных, чисто вьетнамских явлений.

Для всех восточноазиатских государств характерны черты **патримониальной государственности**, где власть по-отечески должна заботиться о благе народа. Никакого гражданского общества, диалога с властью на равных здесь быть не могло. Права индивида на Востоке существовали и охранялись только по отношению к другому индивиду, права индивида по отношению к государству отсутствовали.³ Данная черта характерна не только для конфуцианского ареала (Китай, Тайвань, Сингапур, Вьетнам), но и для буддийского (Таиланд, Камбоджа, Лаос, Мьянма), индуистского (изначально Индонезия, Малайзия) и других (Филиппины, Бруней и т. д.). Отсюда респонсивно-репрессивные⁴, а не партнерские отношения власть-общество во Вьетнаме.

Общей чертой менталитета является преобладание **коллективистского сознания** и представления об аморальности индивидуализма. В прошлом единственный способ выживания, коллективизм в наши дни в некоторых странах стал залогом успеха и подъема экономики. Во Вьетнаме коллективизм проявляется весьма отчетливо.

Представления о **естественности иерархического строения общества** характерны для всех не-западных стран, но для стран индуистской и конфуцианской культуры — особенно. Иерархия выстраивается как во внешне-, так и во внутривластной сфере, а также в сознании каждого отдельного члена общества.

Традиционно для рассматриваемого региона и неприятие оппозиционных выступлений, открытого конфликта и соперничества, видение оппозиции как отклонения от нормы, опасно-

сти для общества. Соответственно притеснение властями оппозиции находит понимание и поддержку в массе вьетнамского общества, которое едино с властью в стремлении **сохранить гармонию и стабильность** этого самого общества.

Приверженность религиозным (или **морально-этическим**) **нормам** поведения и суждения в социально-политической сфере является общей особенностью всех не-западных обществ, и в Юго-Восточной Азии она отчетливо проявляется. Воспитание послушного и патриотичного члена общества является в странах региона задачей как системы образования, так и средств массовой информации, общественных организаций и даже семьи. Многие процессы носят показательный характер, критика подавляется, плюрализм не поощряется. Все это так или иначе связано с приверженностью общей морально-этической (а не юридической) норме.

При этом для Вьетнама в меньшей степени, чем для других стран в регионе, характерно влияние полиэтничности и поликонфессиональности на политический процесс. Здесь титульная нация составляет 86 % населения, другие этнические группы не превышают каждая 2 % населения, а их интересы более или менее учитываются властями, что не позволяет неудовлетворенности накапливаться и превращаться в угрозу. Конфессиональные различия представлены прежде всего 6 млн католиков (в основном на юге Вьетнама).

Вестернизация, несомненно, является общим для всех стран региона и вообще всех не-западных стран фактором мощного влияния на культуру, в том числе политическую. Вьетнам также, еще со времен французского господства и до сих пор, подвергается влиянию вестернизации.

В целом Вьетнам органично вписывается в свой регион по основным общим чертам политической культуры, что обусловлено географической близостью, общим ходом исторического развития, культурным взаимодействием, схожим способом ведения хозяйства — всеми этими факторами в комплексе.

Отдельные черты политической культуры, общие для стран Юго-Восточной и Восточной Азии, нашли во вьетнамской политической культуре индивидуальное проявление.

Несомненно, что вьетнамская культура испытала огромное влияние китайской культуры, а точнее, китайской культуры первого тысячелетия нашей эры. **Конфуцианская этика** во многом определяет отношения в рамках социальной иерархии и по сей день. Из Китая во Вьетнам проникли буддизм махаяны, учение Конфуция, многие институты государственного управления и организации власти, социальные нормы и обычаи. Применение конфуцианских принципов оказалось исключительно эффективным в управлении и поэтому было взято на вооружение во Вьетнаме на достаточно раннем этапе, благодаря характерной для вьетнамцев практичности. Все заимствования во Вьетнаме подверглись модификации и адаптации к местным условиям, но нельзя не признать, что всюду во вьетнамской культуре просматривается «китайский след». В последнее время во Вьетнаме особенно усиливается национализм и стремление к самоутверждению перед Китаем. Вьетнамские ученые и публицисты, не отрицая основополагающего значения для вьетнамской культуры заимствованной в Китае конфуцианской этики, стараются подчеркнуть ряд ее элементов, не усвоенных или отвергнутых вьетнамской культурой, показать их в негативном свете, подчеркнув в противовес вьетнамские «глубинные пласты». Например, верность стране, родине, в противовес конфуцианской личной преданности правителю, хозяину, эгалитаризм общины в противовес сословности феодального Китая.

Нельзя не упомянуть о таком традиционном институте, как **монархия**. Хотя институт монархии во Вьетнаме прекратил свое существование более полувека назад, в исторической памяти народа остается его влияние, поскольку он был центральным элементом политической системы доколониального и колониального Вьетнама, одним из ключевых элементов политической культуры. Ниша, занимаемая институтом монархии в политическом сознании народа, столь велика, что, при десакрализации института и его ликвидации эту нишу в той или иной степени неизбежно занимает другой институт. Упразднение монархии во Вьетнаме в 1945 г. сопровождалось передачей символической власти Вьетминю, которая была очень эффективна с точки зрения легитимации новой элиты. Вьетминь потом эволюциониро-

вал в Отечественный фронт Вьетнама, основной силой которого является Партия, которая наследует остатки сакрального облика монархической власти и, главное, выполняет функцию духовного единения нации.

Исконно вьетнамские национальные традиции можно схематично объединить в три комплекса: традиции патриотизма и отстаивания национальной самобытности, культ предков и исключительное положение семьи в национальной культуре. Указанный набор традиций является основанием такого явления, как общий патриотизм, любовь к родине и ощущение всеобщей солидарности у вьетнамцев, а оно, в свою очередь, составляет культурную основу как одну из основ независимости Вьетнама, которые можно условно объединить в четыре группы: военная (военный потенциал государства), геополитическая (позиции мировых держав и соседних стран по этой проблеме), культурная и идеологическая (которая, в свою очередь, опирается на культурную, но не сводится к ней).

В переломные моменты общество апеллирует к базисным духовным ценностям, прежде всего, к национальной культуре и традиционным религиозным и этическим ценностям.⁵ Для большинства людей культурная **самоидентификация** — самая важная вещь⁶. Именно она определяет модели сплоченности, дезинтеграции и конфликта и именно «вопросы идентификации являются предметом интереса политики»⁷. Механизмы самоидентификации в разных обществах и в разное время могут быть разными, основанными на религии (протестанты в Европе в Новое время), на общей цели или — позже — «мечте» (американцы), на признании одного суверена (империи). Но в азиатских обществах, особенно современных, особенно постколониальных, основой для самоидентификации всегда служат традиции прошлого, базовые культурные ценности.⁸

Современное вьетнамское государство отличается сильной исторической инерцией — оно впитало в себя многие стереотипы и черты прошлого⁹, а по оценкам некоторых западных ученых, «во Вьетнаме настоящее — это прошлое»¹⁰. Традиции давнего и недавнего прошлого умело используются вьетнамскими руководителями благодаря присущей всем вьетнамцам удиви-

тельной способности к адаптации. Успешная адаптация и интеграция традиций прошлого, иногда даже не связанных с политической напрямую, в повседневную жизнь вьетнамского общества — процесс отчасти естественный и спонтанный, но в большей мере контролируемый и направляемый.

Основным условием жизнеспособности политической элиты, носителя политической власти на данном этапе политического процесса, является, безусловно, **легитимность** — соответствие политической власти основным ценностям большинства общества и его устремлениям. Независимо от того что нужно легитимировать, одним из основных инструментов легитимации является традиция. Во Вьетнаме сложилась традиция? связанная с коммунистической партией и социалистическим режимом. Видный западный исследователь, специалист по Вьетнаму и ЮВА, Карлайл Тэйер считает, что с 1986 г. легитимность вьетнамской однопартийной системы подпитывалась из нескольких источников, таких, как харизматическая фигура лидера (Хо Ши Мина) и его наследие, успех в противостоянии мощным захватническим вторжениям во Вьетнам, а также достижения правящего режима: эффективное снижение уровня бедности и высокие темпы роста экономики. В последнее время однопартийная система старается выстроить новую грань легитимности на основе «главенства закона» и конституционализма.¹¹ Однако закон законом, а старые методы до сих пор кажутся вернее и эффективнее. Новые концепции разрабатываются, внедряются, но не сменяют старые ценности и традиции, а дополняют их, пользуясь их многовековой укорененностью во вьетнамском обществе.

По мнению российского ученого Г.Ф. Мурашевой, в доколониальную эпоху главными доказательствами легитимности во Вьетнаме были преемственность власти, достижения в укреплении государственности, сохранение территориальной целостности страны, победы над иноземцами собственными силами и опора на собственные силы во внутренних и внешних делах.¹² Очевидно, что указанные традиции легитимности продолжают быть актуальными и в наши дни.

Анализ вьетнамского научного подхода к легитимности представляется затруднительным по причине отсутствия самого по-

нения «легитимность» во вьетнамском языке. При переводе слово «легитимность» передается как «законность», что не является аналогом легитимности. Собственный термин еще не выработан во вьетнамской политологии, которую, строго говоря, еще нельзя считать окончательно оформившейся, так как собственно ученых-политологов во Вьетнаме пока нет, все они приходят из смежных научных сфер — юриспруденции, культурологии, истории, военного дела. Однако сама проблема легитимности власти, «право» той или иной элиты удерживать власть и управлять народом, затрагивается во вьетнамской научной литературе и публицистике. Условно она обозначается как «обоснование власти», «основа, причина, по которой правитель может пользоваться народным доверием», что, в целом, соответствует понятию легитимности. По мнению вьетнамских ученых, соблюдение принципа «заботиться о народе, народ — корень всего» является ключевым для поддержания легитимности власти, ее стабильности¹³. Опора на народ является необходимым условием удержания власти, защита национальных интересов — непереносимая задача для правящего класса. Власть, не справляющаяся с этой задачей, лишается авторитета и права на управление народом.

Широко известна цитата из наследия Нгуен Чая: «Народ — как вода, власть — как лодка. Вода лодку несет, но может и перевернуть», «только когда лодка перевернется, узнаешь, что народ как вода»¹⁴. При этом немаловажно, что слово «вода» и слово «страна» являются омонимами во вьетнамском языке.

Если говорить о **модели политического участия**, то на первый взгляд вьетнамцы могут показаться в массе своей аполитичным, то есть апатичными к политике, подходящими под парохийальный тип из трех типов политической культуры Алмонда и Вербы. Однако это поверхностная оценка. Большинство вьетнамцев чужда политика западного стиля, основанная на споре и конфликте, соперничестве и партнерстве, динамической смене ролей в отношениях государства и общества. Другое дело, если встать на позицию культурного релятивизма и посмотреть на политическое поведение вьетнамцев их глазами: «будучи жителем страны, называемой страной Юга, то есть на юге от мощнейшей державы, всегда готовый к вторжению и завоеванию,

каким образом можно оставаться вне политики, над политической?»¹⁵. Политикой для вьетнамца стала оборона, политическими интересами — интересы государства. Народ, способный быстро мобилизоваться на решение общегосударственных задач, способный жертвовать личными интересами, к тому же до сих пор не глубоко вошедшими в привычную жизнь, не вникающий в повседневную политику и пока не осознающий базовые гражданские права — такой народ чрезвычайно удобен для власти.

Чтобы сохранить такие качества политического поведения народа, власть должна неустанно работать над политическим воспитанием граждан, преодолевая усиливающееся воздействие культуры общества потребления, достатка и западную пропаганду приоритета прав человека. Судя по ситуации на сегодняшний день, эта мирная борьба идет с переменным успехом, но идеалы «общее выше личного» и «патриотическое мышление» уже не находят живого отклика в рядах нового поколения людей, родившихся в 1990-е годы.

И по сей день распространен подход в либеральной политологии, согласно которому только демократия — форма правления, необходимая и достаточная для эффективного управления и развития, а все общества рано или поздно по мере своего развития должны двигаться к демократии. Перед западными политологами применительно к Вьетнаму возникает конфликт: несоответствие между недостатком демократических институтов и механизмов и позитивными сдвигами в развитии и управлении. Австралийский ученый Б. Керквлиет, проанализировав развитие двух стран — Вьетнама и Филиппин, делает смелый вывод, что демократические институты не обязательно необходимы для улучшения благосостояния людей, для отчетности государственных органов и для влияния граждан на принятие решений национального масштаба.¹⁶ Необходимо другое — **отношения между государством и обществом**, между властью и гражданами. Во Вьетнаме понятия «общество», «граждане» часто отождествляют с понятием «народ». По крайней мере, именно это слово употребляется в СМИ, в программных документах и в речи представителей власти. Когда отношения между властью и населением достаточно позитивны и основаны на диалоге, развитие и эф-

фективное управление будут наблюдаться и при недостатке или отсутствии демократии в привычном понимании этого термина. Это и есть «респонсивно-репрессивное» государство.¹⁷ Постепенно и совокупно малые, неорганизованные, часто непреднамеренные политические действия (повседневная политика) вносят вклад в изменение государственного политического курса. Это определение подходит и к религиозным практикам, и к национальным традициям.

По мнению В.М. Мазырина, отличительной чертой вьетнамской политической системы являются традиционная послушность и доверие населения к правящей элите, прежде всего к компартии, и способность последней к мимикрии и эволюции¹⁸. Он указывает на своеобразие вьетнамской политической культуры в силу определенных приоритетов, не включающих активное участие народа в процессе формирования элит или свободное волеизъявление: демократия западного образца пока не востребована, для этого должны созреть основные внутренние условия в виде правовой грамотности, демократического сознания и опыта, повышения общественной самостоятельности¹⁹. Значительные ограничения демократических институтов в СРВ следует рассматривать не как аномалию, несоответствие «передовым» образцам, а как типичную черту стран, в которых отношения государства и общества основаны на патернализме.

Для понимания современной политической культуры Вьетнама полезно взглянуть на ее проявления до Августовской революции, в эпоху, которую во Вьетнаме принято называть «феодалской». Нго Хыу Тхой в книге «Вьетнамский национализм» выводит схему политического мироустройства традиционного Вьетнама: триаду Небо (Trời) — Император (Vua) — Народ (Dân). «Национальная концепция, таким образом, была ни чем иным, как политико-религиозной концепцией, и вся соответствующая социальная активность была сосредоточена на верности верховному властителю, связующему звену между Небом и Народом»²⁰. Схема отношений «власть — народ» важна для нас с той точки зрения, что при определенных допущениях можно предположить, что она осталась в политическом сознании вьетнамцев и неявно поддерживается правящими кругами в моди-

фицированном виде: Партия (Đảng) — Правительство-Государство (Nhà nước) — Народ (Dân). В любом обществе, а тем более восточноазиатском, гораздо удобнее и вернее взять уже имеющуюся традицию и модифицировать ее, незаметно положить в основу современной системы, чем вводить совершенно новую практику и превращать ее в традицию.

Восприимчивость вьетнамцев к лозунгам и участию в общенациональных движениях объясняется другой особенностью вьетнамской политической культуры — **мифологичностью сознания**. Например, идея «строительства страны» имеет в случае Вьетнама вполне определенное выражение — основание вьетского государства приписывается полубогородительной династии Хунг Вьонгов, мифические персонажи и события плавно и безразрывно перетекают в исторически достоверную хронику. В политическом сознании вьетнамцев, вплоть до научной элиты, специалистов-историков, политологов, партийных и государственных деятелей, отсутствует конфликт между мифологизированной и объективной реальностью, не ставится задача доказать или опровергнуть их реальное существование. Не только лидеров устраивают сложившиеся представления, но общество не видит необходимости в сугубо научном подходе, который грозит внести неопределенность и пошатнуть этнокультурные устои.

Можно уверенно говорить об успешном применении государственной мифологии, эффективность которой складывается из долгой традиции преемственности и последовательной поддержки со стороны политических элит. Причины эффективности также лежат глубоко в социо-психологических особенностях вьетнамцев: им присуще добровольно поддаваться самообману (до определенной степени) ради сохранения гармонии — социальной, семейной, личностной, а также в других целях. Яркий тому пример — уже завершившийся процесс сакрализации Хо Ши Мина, превращение его в национального духа-героя, по словам О.В. Новаковой, «возведение в статус духа-покровителя нации»²¹.

Приоритет национальной независимости. В самом Вьетнаме вьетнамскую политическую культуру ученые начали анализировать с научных позиций совсем недавно, и общепринятой стала

следующая точка зрения: ввиду особенностей географического положения и исторического развития квинтэссенцией политики во Вьетнаме всегда была государственная оборона, поэтому политическая культура Вьетнама постоянно была ориентирована на противостояние вторжению захватчиков.²² Идеологема «строить страну, защищать страну» возникла в ранние времена и сохраняет значение в наши дни — это одна из ключевых формул в речи руководителей государства всех уровней, понятная и знакомая народу.

По мнению В.М. Мазырина, «фактор сплочения и консолидации перед лицом внешней угрозы обусловил раннее появление государства во Вьетнаме, способствовал формированию у местного населения представлений о своей стране как о единой семье, оборонного сознания, стремления противостоять чужеродному влиянию и тем более грубому давлению, агрессии»²³. «Оборонное сознание» — это и приоритет обеспечения безопасности, независимости над потребностями развития экономики, общества и т. п., и трепетное отношение к территориальной целостности (в отличие от, например, Камбоджи в прошлом, где территория имела второстепенное значение по отношению к населению, а четкое обозначение государственных границ не считалось необходимым), высокая степень патриотизма, в том числе на бытовом уровне, всех слоев вьетнамского общества (в отличие от современного общества российского, например). Хо Ши Мин сформулировал идеологическую основу этой черты национального характера в своей самой известной фразе: «Нет ничего дороже независимости, свободы!».

Укрепление обороноспособности страны осуществляется не только по линии закупки вооружений и модернизации Вьетнамской народной армии (ВНА), но и по линии пропаганды и агитации²⁴ патриотических ценностей. основополагающим фактом является именно соседство с Китаем: в сознании вьетнамцев «Франция была врагом сотню лет, Америка лишь десять лет, а северный сосед — наш тысячелетний враг». Внешняя угроза никуда не исчезла, а лишь ненадолго снята с повестки дня. Националистические настроения в поддержку суверенитета и призывы к укреплению обороны особенно оживились в последние годы,

когда северный сосед часто позволяет себе идти на провокации, претендуя не просто на доминирование, а на владение Южно-Китайским морем.

Вьетнамцы за долгую историю подчинения и противостояния северному соседу успешно преодолели угрозу этнической и культурной ассимиляции. Австралийский исследователь Дэвид Марр определил, что «вьетнамцы культурно схожи с китайцами, исторически испытывали их культурное влияние, но сохраняли собственный язык и противостояли китайскому политическому господству»²⁵. Принимая во внимание феноменальную способность китайской классической культуры к постепенной, но полной ассимиляции подчиненных народов, **сохранение вьетнамской самобытности** и языка (при использовании китайской письменности) является показательным. Вьетнамский ученый Фан Нгок поясняет исконно вьетнамский метод противостояния ассимиляции именно как метод «приобщения к культуре ради удержания независимости», и этот метод «является самым мудрым из тех, что возможно себе представить»²⁶.

По словам другого вьетнамского ученого Нгуен Тхе Кыонга, «для небольшой страны и немногочисленного народа, постоянно вынужденного отражать внешнюю агрессию или экспансию более развитой культуры, стремящейся к ассимиляции, единственным путем сохранения нации было сохранение самобытности и укрепление национальной культуры»²⁷. Феномен сохранения вьетнамской самобытности в условиях постоянно нависающей угрозы ассимиляции он объясняет цельностью вьетнамской **деревенской общины**: «сохранение организации самоуправляемой и достаточно замкнутой деревенской общины, где родственные и соседские связи обеспечивали сильнейшую сплоченность сообщества»²⁸. Такая точка зрения стала общепринятой во вьетнамской политической и исторической науке, например, в пособии по политической культуре Вьетнама говорится, что «любовь к стране, любовь к Родине — это прежде всего *любовь к своей общине*»²⁹.

По мнению отечественного исследователя Г.Ф. Мурашевой: «Институтом, в значительной мере блокировавшим тотальное проникновение чуждой культуры в глубинные слои народа,

была вьетнамская сельская община, которая пользовалась относительной политической и культурной автономией». Именно общинные связи, формировавшиеся веками, определяли характерное для вьетнамского общества единство, тесные контакты людей друг с другом и властью, в том числе верховной, чувство патриотизма как черту национального характера.³⁰

Вьетнамский ученый Динь Нгок Вьонг, анализируя проблему правосознания жителя общины, приводит вьетнамскую поговорку: «указ короля уступает обычаю деревни», и она точно передает всю идеологию сообщества сельских жителей, их представления о содержании, роли и сфере действия государственных законов, которые понимаются как второстепенные, подчиненные кодексам деревенской жизни. Кроме того, органы власти на местах создавались в привязке к ранее существовавшей структуре самоуправления и при опоре на нее. Государство шло на уступки, но добивалось результатов. Имея дело со всем коллективом жителей деревни, оно не касалось каждого индивида или каждой отдельной семьи. На общину возлагались определенные обязанности и повинности, а распределяла их внутри себя община самостоятельно.³¹

Национальную оборону в контексте вьетнамской традиционной государственной идеологии целесообразно рассматривать как некий культ, элементами которого являются обожествленные герои вьетнамского сопротивления нашествиям извне. Как культ и предков, **культ защитников родины** четко просматривается на государственном уровне. Элементами культа, его воплощениями являются основатели страны Хунг Вьонги, Фу Донг или дух Зяунг (thần Gióng), сестры Чынг (Haibà Trưng), Чиеу Чинь Ныонг (bà Triệu), Динь Тиен Хоанг или Динь Бо Линь (ĐinhTiên Hoàng), Чан Куок Туан (известный по посмертному имени Чан Хынг Дао — Trần Hưng Đạo), Нгуен Чай (Nguyễn Trãi), ЛеЛой (Lê Lợi), Нгуен Хюэ — император КуангЧунг (Quang Trung), Хо Ши Мин (Hồ Chí Minh). Здесь же нельзя не упомянуть дух Золотой Черепахи — Ким Куи, по меньшей мере дважды фигурирующей в эпосах о национальной обороне в качестве ключевой фигуры. Почти все духи-защитники имеют вполне реальные прототипы, зафиксированные в нескольких

летописных сводах. Некоторые из них жили буквально вчера — в середине XX в., в частности, Хо Ши Мин (1890—1969) или, на местном уровне, героиня партизанской борьбы Мак Тхи Бьой (1927—1955)³².

Вьетнамская политическая наука связывает национальную оборону с самоидентификацией народа: «Национальное самосознание вьетнамцев проявилось в мифах и исторических событиях, таких как восстание сестер Чынг, достижения Ли Тхыонг Киета, победы императора Куанг Чунга и т.п.»³³ Именно уважение исторического прошлого в целом и его носителей (героев, видных государственных деятелей, полководцев и ученых) лежит в основе чувства национальной гордости и достоинства³⁴, недостатком которых так часто страдают многие страны. Вьетнам не из их числа.

Закон «О государственной обороне» 2005 г. определяет государственную оборону как «дело сохранения страны силами всего народа в комплексе, при этом военная сила особенно важна, а народные вооруженные силы являются ядром». «Сила государственной обороны — в ее всенародности, которая строится на основе людских, материальных ресурсов и духа всенародности, всеобщности, независимости, суверенитета и опоры на собственные силы»³⁵.

Этот правовой документ отражает национальный характер и особенность политической культуры, а именно — коллективный характер обороны, всеобщую сопричастность к защите государства. Тот же закон фиксирует обязательность «оборонного воспитания» (не военного, а именно оборонного) как одного из предметов основного расписания в образовательных учреждениях, начиная с 3-й ступени средней школы, то есть примерно с 15-летнего возраста. Этот предмет потом также входит в основное расписание занятий в вузах.

Главным механизмом обеспечения упомянутой «всеобщей сопричастности к защите государства» считается **механизм «великого всенародного единства»** (đại đoàn kết toàn dân tộc). Именно чувство «великого всенародного единства» прививается вьетнамцам со школьной скамьи в процессе политической социализации, не оставляя легального поля для плюрализма, конкурен-

ции политических движений, партий. Критика проводимой политики допускается лишь в том случае, если она не затрагивает основ государственной идеологии и основ легитимности правящей КПВ. Именно жизненной необходимостью сохранения «великого всенародного единства» объясняется решительное неприятие критики и каких бы то ни было призывов к демократизации политической системы извне, т. е. созданию конкуренции правящей партии. Конкуренция значит раскол, прямо противоположный всенародному единству, по мнению идеологов современного Вьетнама. Мотивировка их проста и действенна: раскол и соперничество нанесут урон единству народа, тем самым в решающей степени повлияют на обороноспособность страны вплоть до угрозы потери независимости. Последнее близко и понятно любому вьетнамцу лично и коллективному сознанию народа особенно. Пока эта цепочка ассоциаций работает, правящая партия имеет в руках неоспоримый козырь перед сторонниками введения многопартийной системы. Уязвимость данной цепочки в том, что со временем подрастают новые поколения, и все больше вьетнамцев не испытывали на себе угрозу потери независимости, опасного ослабления государства и не знают, в отличие от своих отцов и дедов, серьезности проблем. Можно предположить, что для молодого поколения апелляция к базовой ценности суверенитета уже в некоторой степени слабее влияет на поступки и настроения.

Понимая проблему, партия и правительство неустанно заботятся о сохранении «оборонного сознания» и патриотического духа молодежи, чтобы хоть частично замедлить негативные (с точки зрения обороноспособности страны) тенденции. Коллективистский менталитет, основанный на уравнилительной психологии и взаимной поддержке, противостоит нарастающему имущественному расслоению и социальной поляризации. Для вьетнамского государства целью, не менее важной, чем развитие, всегда было и остается сохранение если не относительного социального равенства, то социального равновесия. Поэтому общинные традиции и механизмы используются в государственном управлении СРВ³⁶. Власть стремится к уравнилительному распределению благ, развитию отсталых регионов даже в ущерб

экономической целесообразности; коллективный метод решения всех вопросов, осторожный, взвешенный, даже медлительный подход при выработке позиции, оглядка на мнение окружающих, забота о «сохранении лица» — все это является проявлением общинных традиций в государственном управлении.

Влияние системы мировоззрения и морально-этических ценностей, кодекса общественной иерархии и философских представлений, понимаемых под термином «конфуцианство», на вьетнамскую культуру в целом и политическую культуру в частности огромно. Вклад учения Конфуция в формирование древней и нынешней политической культуры Вьетнама значителен, но не в такой степени, как, например, в политическую культуру самого Китая, Кореи, Сингапура.

Основные коды государственного строительства во Вьетнаме — именно конфуцианские, поскольку идеология конфуцианства нацелена на формирование централизованного, мощного и независимого государства.³⁷ Конфуцианство привнесло во вьетнамскую политическую культуру принципы строгой иерархии, необходимость сохранения лица власти, ставку на образованную элиту, которая управляет государством на основе «высшего знания», в том числе и получаемого из-за границы (само конфуцианство, затем марксизм-ленинизм, теперь — экономические науки)³⁸. Кроме того, нельзя не упомянуть уважение к знаниям, учености: приоритет образования даже при ограниченных материальных возможностях оказывает положительное воздействие на качество вьетнамских кадров, в том числе управленческих. Внешнеполитическая стратегия Вьетнама во все эпохи была в целом основана на конфуцианском учении.

Однако, являясь структурообразующим фактором во вьетнамской политической *системе*, конфуцианство представляется важным, но не первостепенным фактором во вьетнамской политической *культуре*, а также лишь одним из ключевых слоев вьетнамской национальной идентичности. Идея беспрекословного подчинения младшего старшему проявляется больше в семейных отношениях, чем в общественных и политических. Например, как показало исследование группы американских специалистов³⁹, при аналогичной структуре высших партий-

но-государственных органов во Вьетнаме и Китае полномочия их различны: Политбюро ЦК КПК обладает всей полнотой власти при решении ключевых вопросов государственной политики, назначении высших чиновников и проведении реформ, тогда как ЦК лишь оказывает коллективную поддержку высшему органу, которым по отношению к нему является Политбюро; Политбюро ЦК КПВ определяет стратегическую линию, каждый его член несомненно имеет больше политического влияния, чем член ЦК, однако решение ключевых вопросов управления государством, а также кадровая политика на высшем уровне не является прерогативой вьетнамского Политбюро. Для решения важнейших вопросов непременно собирается пленум ЦК, который может и не одобрить предложенный Политбюро вариант действий, а может даже наложить вето на решение Политбюро. Хотя влияние конфуцианства является структурообразующим для политической культуры, однако конфуцианский принцип строгого подчинения уступает принципу коллективного участия в обсуждении и принятии решения. Принцип коллективности в решении вопросов — не что иное, как проявление общинных традиций в государственном управлении. Общинное мышление — ядро вьетнамской идентичности, как было показано в соответствующем разделе выше. Исконно вьетнамская формула «закон правителя слабее обычая деревни» в сугубо конфуцианском обществе была бы невозможна.

Общинные механизмы безусловно тормозят принятие решений. Однако даже американские ученые признают: при принятии решений медлительность оборачивается продуманностью, осторожность — взвешенностью, двусмысленность — гибкостью. Не будучи оптимальным, такой подход остается характерно вьетнамским.

Основным структурообразующим фактором в мироощущении вьетнамцев является **культ предков**. Культ предков не является исключительно вьетнамским институтом, но только во Вьетнаме имеется четко структурированный и пользующийся государственной поддержкой культ общенациональных предков. Скорее всего, традицией почитания предков в немалой степени обусловлено такое принципиально важное явление в по-

литической культуре Вьетнама, как преемственность в сфере государственности.⁴⁰

Связь с прошлым через культ предков, преемственность поколений, широкие семейные связи — все это характерные черты вьетнамского национального генотипа на уровне государственной политики. Вьетнамец всегда ощущал себя гражданином своей страны не в меньшей степени, чем членом своей семьи⁴¹. **Институт семьи**, не община и не личность, во Вьетнаме выполняет роль базового социального института. Кроме того, во Вьетнаме принято сравнивать всю нацию с единой семьей.

Политическая культура Вьетнама вписывается в общее поле разнообразных политических культур стран Юго-Восточной и Восточной Азии, сочетает в себе черты конфуцианского и буддийского ареала, но выделяется собственной спецификой, связанной с изначальной традицией выборочного заимствования и переработки, адаптации наиболее эффективных элементов культуры других народов.

На формирование социально-экономической, а также политической структуры вьетнамского общества решающее влияние оказала китайская культура I тысячелетия н.э. Многие традиции, такие как сильная государственная власть, оказывающая покровительство подданным, необходимость сохранения лица власти, приоритет образования, особенно при занятии должностей в государственном аппарате, сохраняют свое определяющее значение и в наши дни.

Исконным же наполнением политической культуры вьетнамцев являются общинная сплоченность и общинная самодостаточность, как следствие — участие народа (а не гражданина) в политическом процессе, относительно высокая степень подотчетности власти народу в сравнении с другими восточными обществами. Также исконным, изначальным и укрепившимся за века стержнем вьетнамской политической культуры является патриотизм, неуклонная готовность противостоять иностранным захватчикам, стремление отстоять независимость родины любой ценой. Два этих явления переплетаются друг с другом:

для устойчивого противостояния вторжениям и попыткам ассимиляции необходима сплоченность, а общинная самодостаточность и традиции сохранились только благодаря последовательному отстаиванию культурной самобытности и национальной независимости.

Традиции политической культуры вьетнамцев исключительно хорошо сохранились до настоящего времени и имеют все шансы сохраниться в ближайшем будущем. Основной причиной этого является высокая устойчивость носителя традиций — вьетнамского этноса.

Дух патриотизма и приоритет защиты родины пронизывает вьетнамское общество снизу доверху, поддерживается государственной мифологией и государственной пропагандой. Исключительно важную роль играет также культ духов-покровителей нации, который сегодня отправляется по всей стране. Идея непрерывности вьетнамской истории противостояния внешней угрозе постоянно воспроизводится в государственных институтах, история представляется непрерывным процессом от сотворения вьетнамской нации. Способность защищать страну от захватчиков, обеспечивать благосостояние народа всегда была и остается мерилем легитимности власти во Вьетнаме. Элита, не справляющаяся с решением этих задач, теряет легитимность в глазах народа и может потерять власть.

Культ предков имеет этнообразующее значение для вьетнамцев, он — ядро национальной идентичности. Культ общегосударственных предков является особенностью института культа предков во Вьетнаме.

На современном этапе, на фоне интеграции в мировую экономику, расширения информационного поля, стремительно растущего уровня открытости многие ценности «марксизма-ленинизма и идей Хо Ши Мина» девальвируются (в наименьшей степени — идеи Хо Ши Мина, изначально близкие вьетнамским реалиям и понятные вьетнамскому народу, а также пользующиеся активной поддержкой властей), и их нишу приходится заполнять другими — во избежание такого печального явления, как вакуум ценностей, которого во Вьетнаме справедливо опасаются. Для замещения коммунистических ценностей, как ни

странно, лучше всего подходят еще более старые, но до сих пор востребованные народом традиционные ценности, чему способствует небольшая продолжительность и интенсивность разрыва с ними в период активного строительства социализма.

Национальные традиционные ценности играют роль связующего звена между прошлым и настоящим, а также помогают выстраивать путь в будущее для вьетнамской нации. В эпоху перемен все государства, в том числе и Вьетнам, сталкиваются с вызовами, кризисами, острыми вопросами. Успешная национальная самоидентификация избавляет Вьетнам (пока) от угрозы кризиса идентичности. Многослойность вьетнамской политической культуры позволяет искать и находить в самых глубинах культуры чисто вьетнамские ответы на вьетнамские или даже глобальные вызовы. Традиция всеобщей сплоченности и всеобщей сопричастности является основой мобилизационного потенциала и для отпора вторжениям, деструктивному влиянию извне, и для решения других общенациональных задач.

Примечания

¹ Báo cáo chính trị của Ban chấp hành Trung ương Đảng khoá IX tại Đại hội Đại biểu toàn quốc lần thứ X của Đảng, 2006 (Политический доклад ЦК КПВ на X Съезде, 2006 г.)

² Chiến lược phát triển văn hóa đến năm 2020 (Стратегия развития культуры до 2020 г., принятая постановлением Премьер-министра Правительства от 6.05.2009 г.)

³ Политические системы и политические культуры Востока, под ред. Воскресенского А.Д., М, 2007, с.29

⁴ Термин Г. Крауча, применительно к Вьетнаму его впервые употребил Б. Керквлиет: Kerkvliet, Benedict J. Tria. Governance, Development and the Responsive-Repressive State in Vietnam // Forum for Development Studies, Vol. 37, No. 1, March 2010

⁵ Новакова О.В. Вьетнам: поиск культурной идентичности // Губеровские чтения, т. 1, М, 2009, с. 261.

⁶ Хантингтон Самюэль. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 14.

⁷ Там же.

⁸ Тарасов И.С. Политический процесс в переходных обществах, лекционный курс в ИСАА МГУ. 2008.

⁹ Мазырин В.М. Исторические элементы государственности в современном Вьетнаме // Три четверти века, Д.В. Деопику — друзья и ученики. М, 2007, с. 373

¹⁰ Kahin and Lewis. The United States in Vietnam, New York, 1967, p. 325

¹¹ Thayer, Carlyle A. Political Legitimacy of Vietnam's One Party-State. Challenges and Responses // Journal of Current Southeast Asian Affairs, 4/ 2009, pp.47—70

¹² Мурашева Г.Ф. История и современность в политической культуре Вьетнама // Политическая культура и деловая этика стран Востока, М, 2006, с. 166

¹³ Nguyễn Văn Huyền, Nguyễn Hoài Văn, Nguyễn Văn Vĩnh. Bước đầu tìm hiểu giá trị văn hóa chính trị truyền thống Việt Nam, sách chuyên khảo, Hà Nội, 2009, tr. 92—93

¹⁴ Lý Việt Quang. Nhân dân — động lực chủ yếu để phát triển đất nước theo tư tưởng Hồ Chí Minh, // Вьетнам: интеграция и развитие, Ханой 2008, материалы международной конференции на CD.

¹⁵ Phan Ngọc. Bản sắc văn hóa truyền thống Việt Nam, Hà Nội, 2006, tr.43

¹⁶ Kerkvliet Benedict J. Tria. Governance, Development and the Responsive-Repressive State in Vietnam // Forum for Development Studies, Vol. 37, No. 1, March 2010, pp.33—59

¹⁷ Термин Гарольда Крауча.

¹⁸ В.М. Мазырин, Эволюционная модель общественной трансформации в СРВ // Губеровские чтения, т.1, М, 2009, с. 230.

¹⁹ Там же, с. 231

²⁰ Ngô Hữu Thời. Chủ Nghĩa Quốc gia Việt Nam — Nationalism Vietnamien, Sài Gòn, 1954, tr.4

²¹ Новакова О.В. Вьетнам: поиск культурной идентичности // Губеровские чтения, т.1, М, 2009, с.262

²² Nguyễn Văn Huyền, Nguyễn Hoài Văn, Nguyễn Văn Vĩnh. Bước đầu tìm hiểu giá trị văn hóa chính trị truyền thống Việt Nam, tr. 65

²³ Мазырин В.М. Исторические элементы государственности в современном Вьетнаме, с. 374

²⁴ Слова «пропаганда» и «агитация» не несут отрицательного оттенка во вьетнамском языке.

²⁵ Marr D. Vietnamese Anti-colonialism, 1885—1925, Berkeley, 1971, pp.8—9.

²⁶ Phan Ngọc. Bản sắc văn hóa truyền thống Việt Nam, tr.38

²⁷ Nguyễn Thế Cường. Giao lưu, tiếp biến văn hóa và bảo tồn bản sắc văn hóa Việt Nam trong toàn cầu hóa, , tr.8 // Вьетнам: интеграция и развитие, Ханой 2008, материалы международной конференции на CD.

²⁸ Там же.

²⁹ Nguyễn Văn Huyền, Nguyễn Hoài Văn, Nguyễn Văn Vĩnh. Bước đầu tìm hiểu giá trị văn hóa chính trị truyền thống Việt Nam, tr. 44.

³⁰ Мурашева Г.Ф. История и современность в политической культуре Вьетнама, с. 152

³¹ Динь Нгок Вьонг. Строительство правового государства и гражданского общества в современном Вьетнаме (пер. Локшин Г.М.).

³² Треглоде, Бенуа де. Новые герои, традиционное почитание: очерк о культе Мак Тхи Бьонг, // Политическая культура и деловая этика стран Востока, М, 2006, с. 167

³³ Nguyễn Văn Huyền, Nguyễn Hoài Văn, Nguyễn Văn Vĩnh. Bước đầu tìm hiểu giá trị văn hóa chính trị truyền thống Việt Nam, tr. 43.

³⁴ Мазырин В.М. Исторические элементы государственности в современном Вьетнаме // Три четверти века. С. 377.

³⁵ Luật Quốc Phòng Số 39/2005/QH11 Ngày 14 Tháng 6 Năm 2005 (Закон «О государственной обороне», Национальное собрание, № 39/2005/QH11)

³⁶ Мазырин В.М. Исторические элементы государственности в современном Вьетнаме. С. 374.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 377.

³⁹ Abrami, Regina M.; Malesky, Edmund; Zheng, Yu. Accountability and Inequality in Single-Party Regimes: A Comparative Analysis of Vietnam and China, Working Paper 2008—0130, Weatherhead Center for International Affairs, Harvard University, July 2008

⁴⁰ Мурашева Г.Ф. История и современность в политической культуре Вьетнама. С. 163.

⁴¹ Там же. С. 167.